

Отзыв на диссертацию Исаева Леонида Марковича
«Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития –
в диссертационный совет Д002.030.02 при ФГБУН Институт Африки РАН

Представленная работа поражает неряшливостью исполнения. В ней немало грамматических ошибок и просто опечаток, что говорит как о неспособности автора вычитать текст, так и о его знании русского языка. К примеру, на с. 20 и 21 автор не может сделать выбор между «обусловливать» и «обуславливать»); на с. 2 (в «Содержании») читаем название первой же главы диссертации: «Анализ показателей антирежимных выступлений и их относительной значимости», хотя в диссертации автор явно пытается анализировать не относительную значимость выступлений, а относительную значимость «показателей». На с. 31 диссертации первый пункт перечня «положений, выносимых на защиту», показывает абсолютно вольное обращение автора с падежами. В данном отзыве мы не станем перечислять все языковые огрехи, имеющиеся в диссертации, но в рабочем порядке вполне можем это сделать в случае, если автор примет решение о доработке диссертации для повторного вынесения на защиту. Пока что текст работы говорит о крайне низком качестве работы диссертанта и внушает сомнения в том, что роль научного руководителя была положительной.

Несмотря на явное стремление автора раздуть объем работы чрезвычайно длинными библиографическими списками (как в конце работы, так и в форме ссылок по самым различным поводам, подчас повторяющимся), работа по фундаментальнейшему вопросу современной истории (в первую очередь политической истории) насчитывает всего 126 страниц вместе с библиографией (на 18 страницах) и с обширным «введением», которое в чисто формальных пунктах совпадает с авторефератом. Основной же текст работы (две главы и заключение) уместился на с. 35 – 108, т. е. 74 страницах.

Автор почти не владеет научной терминологией, относящейся к тем вопросам, которые он затрагивает. Наукообразное насилие над русским языком (вроде «переформатирование спектра ... развития» - дисс., с. 3) еще не делает работу научной.

Важным исходным положением работы мы считаем констатацию того, что «антирежимные выступления 2011 г. в арабских странах стали неожиданностью как для самих арабов, так и для специалистов в области арабских исследований». Автор не называет в данном случае никаких других «областей», и это можно понять лишь в том смысле, что не

только арабисты, а все востоковеды и вообще вся гуманитарная наука не смогли прогнозировать эти самые выступления. С этим положением мы вполне согласны, но из текста диссертации видно, что сам автор с этим исходным положением не только не согласен, но постоянно его опровергает выкладыванием безразмерных списков работ тех самых «специалистов», которые сегодня задним числом рассуждают о причинах и предпосылках арабской весны, в то время как все их прошлые работы действительно, как считает г. Исаев, не подвели науку к адекватным прогнозам событий 2011 года. Никакого научного смысла в свете сформулированных автором целей и задач работы смысла пространные апелляции к исторически скомпрометировавшей себя прогностически бесполезной литературе не имеют и могут лишь служат раздутию текста.

Автор полагает, что «сложность происходящих в последние годы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки процессов, их глубина и значимость требуют междисциплинарного подхода к их изучению». В действительности же сложность процессов никогда не была исчерпывающим основанием для протаскивания совершенно неуместных методов в конкретные исследования и никогда сама по себе еще не требовала «междисциплинарности». Зато всегда требовала и требует системного подхода, т. е. вычленения той системы (не уже и не шире), в рамках которой следует искать причины происходящих событий. Иной подход может лишь дезориентировать теорию и практику, скрывать действительные *причины* и тратить время на их поиск в тех частных по отношению к системе объектах, в которых реально имеются лишь *предпосылки*.

О влиянии рассматриваемого региона на мировую историю автор говорит на с. 4 – 5; к сожалению, о влиянии мировой истории на данный регион им суммарно сказано в работе куда меньше. Уже одно это полностью обесценивает все претензии автора на математическую скрупулезность, поскольку математические методы используются им на совершенно неадекватных и зачастую просто неграмотных общих посылах. О «глобальном масштабе» автор хорошо помнит, говоря о *последствиях* событий (дисс., с. 5), но не тогда, когда нужно рассмотреть их причины, каковое рассмотрение только и может иметь теоретическое и практическое значение. Без знания реальных причин, которые автор почти стопроцентно выводит за скобки своего исследования, ни о каких прогнозах говорить не приходится. Собственно, это подтверждается и той великой массой литературы, которую автор зачем-то то и дело перечисляет после признания того, что события 2011 г. ее авторы благополучно проспали.

В последнем абзаце с. 10 автор говорит попеременно то о «системах», то о «режимах», что говорит о том, что к таким мудрецам, как Алмонд и Миллс, он обратился до прочтения вузовских учебников.

Признание убедительности положения о том, что рассматриваемые события «объясняются с позиции структурно-демографической теории» (дисс., с. 12), не позволяет понять, что именно интересует автора – «индикаторы», «показатели», «факторы», «предпосылки», «причины» или что-то еще. Все это у автора перемешано в одну сплошную кучу взаимозаменяемых терминов, что также говорит о преждевременности обращения к математике там, где не определены исходные основания, где совершенно неясны цели и задачи работы. Создается впечатление, что математические формулы нужны автору лишь для того, чтобы гуманитарный ученый совет, запуганный своим почти поголовным незнанием совершенно не нужного африканисту «хи-квадрата», не посмел выступить против представленной диссертации.

Ссылка на Л.Л.Фитуни, полагающего, что «предпосылки событий 2011 г. следует искать в первую очередь внутри самих арабских обществ, а не во влиянии внешних *акторов* (курсив наш. – А.Э.) на внутривнутриполитические процессы, приводит автора к тому, что, даже претендуя подчас на выявление причин, он ограничивается в лучшем случае разговором о предпосылках, ибо *причины* в нашем, по словам М.С.Горбачева, «едином взаимозависимом мире», не всегда столь внутренние, как это пытаются представить социологи и политологи той страны, которая более остальных заинтересована в сокрытии своей роли во всех процессах мировой реакции, но сразу же вспоминает о значении внешних факторов, когда нужно обвинить руку Кремля в прогрессивных событиях где бы то ни было. Не далее как в начале 2014 г. директор Института Африки РАН академик А.М.Васильев, вернувшийся из очередной поездки в рассматриваемый в диссертации регион, в своем отчете перед институтским собранием отметил детальное сходство сценариев операции «перестройка» от «арабской весны» до событий на Украине и указал, что, по-прежнему не считая адекватными «теории заговора», он теперь пришел к однозначному выводу о том, что для полноценного прогнозирования региональных событий в третьем мире совершенно необходимо знать механизм принятия решений администрацией США. Следует также напомнить о том, что в Институте США и Канады РАН, где руководство занято делом, а не оголтелой сверкой тематики исследований с вывеской института, эту истину также понимают и давно уже имеют подразделение, занимающееся делами *Ближнего Востока*.

То, что исследования под руководством А.В.Коротаева «позволили выявить, что антирежимные выступления... - не аномальное, а вполне закономерное явление», весьма лестно для руководимого И.В.Следзевским центра, но позволяет поставить вопрос о том, почему великие умы оказались не в состоянии спрогнозировать то, что задним числом они представляют как *закономерное*. Ведь *закономерность* означает *всеобщность* и, соответ-

венно, повторяемость *связей*, – к сведению и диссертанта, и его руководителя, и его авторитетов.

Многостраничные апелляции к достижениям ученых США в исследовании проблем «политической нестабильности» совершенно неуместны для того, кто заинтересован в истине о событиях «арабской весны» больше, чем в открываемых диссертацией (и заявленной в ней вполне определенной проамериканской и косвенно антироссийской позицией) личных возможностях.

Математически обрабатывая «плотность распределения готовых протестовать» (!), автор нигде не предложил мало-мальски убедительного критерия отличия готовых от неготовых, что совершенно необходимо для понимания того, почему в совершенно аналогичных *местных* условиях и подчас на совершенно ничтожной исторической дистанции одни и те же люди могут быть не «готовы» за так и «готовы» в случае проплаты извне (и не в рублях, как это может показаться диссертанту, о внешнем влиянии вспоминающему лишь тогда, когда специфику сирийской ситуации нужно объяснять позицией РФ, которая, собственно, и состояла-то в весьма ограниченном сдерживании и в весьма мягком реагировании на *позицию США*).

По поводу революционной ситуации (с. 17) автору следовало бы почитать более авторитетную литературу, чем та, на которой он основывается, ибо положения учения В.И.Ленина о признаках революционной ситуации сегодня стали общим местом не только в марксизме, но даже и в буржуазной российской науке (не говорим уже о регулярном упоминании этих положений в российских СМИ).

Объект и предмет исследования автором выделены абсолютно безграмотно (см. дисс., с. 18). Объект у него – стабильность, а предмет – факторы. *Объектом* исследования всегда является некоторый телесный предмет реального мира, всё же формальное (атрибутивное) может быть лишь *предметом* исследования. Предметом исследования медика является болезнь как процесс, но объектом его исследования является вполне конкретный материальный предмет – живой человек. Автор о различии материального и формального, известном науке уже два с половиною тысячелетия и фундаментальном для разграничения объекта и предмета исследования, не имеет ни малейшего понятия.

Цель работы, указывает автор (дисс., с. 18), «состоит в выявлении уровня нестабильности социально-политических систем в контексте развития регионального политического кризиса в арабских странах». Если бы автор сказал «на примере», а не «в контексте», то такую цель еще с грехом пополам мог бы понять кто-то, кроме его научного руководителя. Но тогда это предполагало бы ответственность автора за применимость его выводов и странам *вне* арабского мира (хотя и по части арабского мира мы согласны с замечаниями

оппонента Кадырбаева, несмотря на никак не связанный с ними вывод Кадырбаева о пригодности диссертации к защите). Но о распространении «выводов» автора (фактически воспроизводящих его априорные исходные установки) на страны, скажем, Европы не может быть и речи.

Задачи сформулированы автором (дисс., с. 19) безграмотно: ведь *показатели* – всегда вторичное; там, где они, вторичные по отношению к чему-либо, берутся как основание или побочный момент дальнейшего причинно-следственного ряда, их уже не называют показателями, а называют причинами, предпосылками, факторами и т. д. У автора же говорится о «*показателях, обусловивших* политический кризис». Чему после этого могут помочь формулы, из которых к тому же почти полностью выведена международная политика и мировая экономика? Между прочим, такие мелочи, как международная политика и мировая экономика, совершенно необходимо было учитывать автору в свете решения *третьей* задачи его исследования (разработка индекса потенциальной нестабильности и т. д.).

Сочетание элементов концепций Хантингтона и Миллса брать в качестве методологической базы (см. дисс., с. 19) можно разве что после того, как это сочетание будет обосновано на уровне общей теории и мы получим ссылки – пусть и не в несколько страниц, – на такие обоснования; методология одного конкретного исследования может быть лишь единой, а лоскутное одеяло не может претендовать на роль методологического основания. А несколько различных методологических оснований может быть лишь у нескольких различных исследований.

В качестве доказательства практической значимости работы автор (дисс., с. 20-21) автор преподносит историю собственной пропаганды заявленных в ней положений, каковая деятельность никогда не считалась подтверждением практической значимости. Разве что, и то чисто формально-бюрократически, этот аспект биографии автора мог бы быть помещен в раздел об «апробации работы».

Автор то и дело (ссылок можно привести множество) вместо совершенно необходимого для адекватного понимания событий 2011 г. причинно-следственного ряда не только путается в причинах, предпосылках, факторах, индикаторах и т. д., но и подменяет выяснение причин разговором о том, что на что «*влияет*» и что чем «*обусловлено*» (а эти слова можно относить к чему угодно из вышеприведенного списка терминов), – вместо того, чтобы конкретно указать причины, конкретно указать предпосылки, конкретно указать приводящие факторы, конкретно указать индикаторы с показателями, а не прятать свою неуловимую логику за чехардой терминов. Логическая строгость помогла бы автору избавиться от ляпов вроде: «Как только элита оказывается неспособной защитить себя, насту-

пает революция». О чем речь в такой фразе про «как только» – о предпосылках (к тому же далеко не всех)? об одном из элементов революционной ситуации? Или же автор полагает эту неспособность *причиной* революций?

Автор явно не склонен принимать в расчет мировую борьбу за ресурсы, включая трудовые, и за рынки сбыта. Единственное, как нам удалось заметить, упоминание о ресурсах автор допустил лишь на с. 28 диссертации применительно к *внутренним* политическим процессам, на протяжении всей работы показывая свою неспособность приложить этот же «ресурсно-акторный подход» (!) к мировой экономике в целом. Внешний фактор автор, за что ему великое спасибо, упомянул лишь на с. 52–53, и то лишь как «незначительный» фактор, как он его оценил по своим математическим выкладкам (см. дисс., с. 53). По автору, «это позволяет нам говорить о том, что фактор внешнего влияния в большей степени объясняет человеческие жертвы..., нежели масштаб социально-политических потрясений». Мы же полагаем, что это как раз «позволяет нам говорить» о том, что злоупотребление математикой там, где отсутствуют элементарные знания об объективных закономерностях истории и о методологии научного исследования, может лишь помогать сокрытию истины, в данном конкретном случае – в пользу США и в ущерб стратегическим интересам Российской Федерации. «Наличие иммунитета» к внутренним конфликтам (дисс., с. 58) без какого бы то ни было учета «иммунитета» к *внешнему конфликтно-генному влиянию* вообще не должно было бы приниматься всерьез.

Обильно перечисляя источники на арабском языке (дисс., с. 29), автор ни словом не поясняет, относятся ли они к той литературе, для которой события 2011 г., «оказались неожиданностью», или же формируют свод той мудрой литературы, которая – хотя бы в главном – все эти события предвидела. Второе предполагать трудно; первый же вариант позволяет задаться прежним вопросом о том, зачем нужна такая прогностически скомпрометировавшая себя писанина тому, кто хочет отыскать ключ к познанию и предвидению процессов, аналогичных «арабской весне». Этот же вопрос можно задать и по поводу целого ряда лиц, с которыми были задним числом проведены «интервью» (см. дисс., с. 30–31), и по поводу тех трудов, которых автор щедро перечисляет на с. 26, 35, 36, 37. Обильный перечень всего, что автор сумел найти по вопросу о «молодежном бугре» (см. с. 42–43), не исключил несколько более краткого списка литературы по тому же вопросу на другой странице диссертации. Остается загадкой, почему автор не представил полного списка литературы к каждому употребленному им термину.

На с. 38 диссертации мы вновь встречаем мешанину из «предпосылок» и «показателей», которые, впрочем, тут же все превращаются в факторы.

То, что какой-то «этап стал критическим» (дисс., с. 40), есть лишь констатация временного совпадения, которой не заменишь причинно-следственный ряд, а он совершенно необходим там, где автор говорит о том, что «всё это привело к тому, что...» Близость во времени – еще не доказательство причинно-следственной зависимости; а доказательств у автора, игнорирующего внешний фактор даже там, где этот фактор на протяжении десятилетий (!) буквально вопит (особенно в отношении Ливии), конечно же, отсутствуют.

С. 47 начинается с указания задачи «построения уравнения...» так, как если бы она где-то была поставлена, на самом же деле она никак не вытекает из прежнего изложения и появляется в стиле *deus ex machina*, ничем не подготовленная и ни из чего не вытекающая.

Таблица на с. 48 (тоже можно сказать и о многих остальных) диссертации содержит совершенно произвольно отобранные типы событий без какого-либо обоснования вычленения именно таких и исключения других. Всякий перечень «факторов», если от берется в таблицу, должен быть обоснован по каждому пункту. То количество таблиц и факторов в них, которое мы обнаруживаем в диссертации, потребовало бы от автора многих десятков страниц, но автор избавил себя от этой логически совершенно необходимой работы, заменив ее длинными библиографическими списками.

Представленная работа написана на таком уровне, что полный перечень ее ошибок намного бы превысил ее собственный объем. Полагаем, уважаемый диссертационный совет не будет в претензии, если из уже сказанного мы позволим себе сделать вывод что диссертаций Исаева Л.М. ни с формальной, ни с содержательной стороны во многом не соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, не является методологически обоснованным научным исследованием, а представляет собою лишь набор разрозненных положений, обработанных математикой не с большим толком, чем если бы, многодисциплинарности ради, автор решил обрабатывать их астрономией. Но даже сегодня следует по мере сил не допускать превращения науки в астрологию, а именно такое и происходит там, где причины процессов определенного типа ищутся не в другого масштаба системах, а попросту в областях знания, по сути своей никак не могущих помочь пониманию реального причинно-следственного ряда изучаемых процессов. Положительное решение по такой диссертации, какая представлена т. Л.М.Исаевым, обеспечило бы лишнее пятно на репутации уважаемого совета, совершенно ненужное в свете недавних событий в ВАК, и лишнее пятно на репутации Института Африки РАН, совершенно ненужное в свете текущих событий в РАН.

В качестве пожелания автору и научному руководителю мы предложим обратить большее внимание на необходимость добросовестного изучения теории и недопустимость конъюнктурного жонглирования «факторами», которое мы видим в представленной рабо-

те. Математику в данной работе следует заменить историей, экономикой и политикой, только тогда у автора будет шанс адекватно видеть и изображать исторические процессы. Совершенно ясен и вопрос о владении языком науки, да и просто русским языком. Также следует обратить внимание на недопустимость неуважительного отношения к совету, которое сказывается в нежелании диссертанта и его научного руководителя добросовестно вычитать текст перед его сдачей в совет и выкладыванием на сайт института.

Исаев Л.М. категорически не заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук.

Старший научный сотрудник
центра изучения стран Тропической Африки
Института Африки РАН,
кандидат философских наук

Элез Андрей Йовович

11 мая 2014 г.

Подпись	<i>Элез А.И.</i>
Зав. кафедрой	<i>Элз-</i>